

Ф.К. Бесолова

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО А.В. МИХАЙЛОВА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ НОВОГО СИНТЕЗА В НАУКЕ О ЛИТЕРАТУРЕ

Ф.К. Бесолова*

Аннотация. Современный общенаучный дискурс, отталкивающийся от единой, антропологической точки отсчета, вполне соответствует стремлению к синтезу: культуры в целом, ее регистров – высокого и низкого – в собственных пространствах и во взаимодействии друг с другом. Работы А.В. Михайлова, крупного теоретика литературы и культуры, опираясь на идейные константы эпохи («историко-культурная аксиоматика»), развивают идею исторической поэтики как идею «обратного перевода», задают культурологическую ориентацию литературоведения и возвращают искомый синтез теоретическому и историческому литературоведению. Подобная логика исследования «общих горизонтов истории культуры» как смысла науки о литературе органично вливается в современную парадигму культуры.

Ключевые слова: А.В. Михайлов, общенаучный дискурс, синтез, историческая поэтика, языки культуры, герменевтическое пространство.

Матьматьматьматьмать...

А.А. Вознесенский.

Современность возжаждала синтеза...

А.Ф. Лосев.

Методологические поиски российских ученых-гуманитариев XIX–XX вв. обнаруживают определенную преемственность в осмыслении понятия «синтез», точнее – в осознании необходимости нового синтеза при решении задач исторической поэтики. Еще в начале 1860-х годов А.Н. Веселовский провозгласил необходимость поиска нового синтеза, считая опору на эволюцию поэтического сознания краеугольным камнем исторической поэтики [1], а в самом начале 1910-х годов юный А.Ф. Лосев обозначил в качестве важнейшей составляющей мировоззрения исходный высший «синтез всего, что образует собою духовную жизнь человека» [2, с. 14] и произрастает из «первобытной бездны бытия и жизни» [3, с. 104].

Александр Викторович Михайлов (1938–1995), ученик последнего, универсальный исследователь (теоретик и историк литературы и культуры, германист, искусствовед, музыковед), развивает названную проблему совершенно оригинальным образом – идея синтеза сопрягается у него с идеей концентрических кругов, или сфер с непрекращающимся кружением взаимообоснованных смыслов мировой истории культуры. Этим сферам ученый дает название «герменевтическое пространство». При таком подходе «в пределах науки о литературе оказывается даже и так называемое раннее *синкретическое* искусство, само наименование которого запечатлело акт обратного проецирования, – такое искусство должно соединять в себе то, чего, когда оно существовало, еще не было как отдельного: поэзии, музыки, танца...» [5, с. 507].

Здесь мы намерены охарактеризовать взаимодействие обозначенных идей, содержащихся в работах А.В. Михайлова по исторической поэтике

и герменевтике, и сформулировать предлагаемую ученым общую логику исследований культуры и литературы, направленную на преодоление давнего раскола теоретического и исторического знания.

Идеи А.В. Михайлова «снимают коросту» с устоявшихся литературоведческих дисциплин и разделов литературоведения, парадоксально, зачастую – метафорически расшатывая самое, казалось бы, бесспорное знание. «Незнание – это сила», – так, к примеру, обозначена одна из глав «Несколько тезисов о теории литературы». Интригующе, проблемно звучат и такие тезисы названной работы: «сфера знаний о литературе гораздо шире области науки о литературе»; «предмет науки о литературе – не только литература»; «обратное проецирование – «перенос своего на чужое» – исторически относительно и требует *обратного разворачивания*». Иными словами – понятие диалога, диалога культур как сотворчества (концепции М. Бахтина и С. Аверинцева о взаимодействии с литературой прошлого) – неоправданно. Сюда же отнесем и размышления автора о «неочевидности самоочевидного»: «назвать, наименовать все увиденное здесь бывает возможно лишь задним числом», а посему «наука о литературе... опирается на будущее и упирается в него»; «и культура, и наука в самом существенном отношении обращены в будущее, существуют из будущего» [5, с. 519]. Таким образом, в области историко-культурной аксиоматики всякое культурное явление прошлого, – *бывшее-в-настоящем*, – имеет еще более замысловатый статус: это *бывшее-в-настоящем-из-будущего*.

Каждое из этих заявлений интересно и само по себе, но все они связаны лейтмотивом «Несколько тезисов о теории литературы» – идеей о «беспре-

* Бесолова Фатима Константиновна – старший преподаватель, Северо-Осетинский госуниверситет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ (kafka61@mail.ru).

рывном потоке осмысления» любого относящегося к науке о литературе знания, «процессе историзации всего знания»: «В самом конечном счете наука о литературе есть такое мышление истории, где слово «истории» – и родительный объективный, и родительный субъективный: история мыслится, и она мыслит себя в науке, в ее рамках, в ее пределах» [5, с. 483].

Эту *ситуацию* самоосмысления науки о литературе и науки о культуре А.В. Михайлов называет на современном языке – *герменевтической*. Оговариваясь, что «герменевтическое схватывается трудно», исследователь сразу же дает образ сферы, кружения «в пределах того самоосмысления, в котором все затрагиваемые нами и затрагивающие нас смысловые моменты получают взаимное обоснование <...>, зависят друг от друга и отсылают друг к другу» [5, с. 483]. Эта сфера имеет свои границы, центр и «глубь», – по выражению автора. Структурируя участников этого кружения, исследователь называет *нас, историю и близлежащее*.

И здесь возникает некоторое противоречие между линейным движением истории и циклическим, а вернее – сферическим – единым кружением внутри герменевтического пространства: «<...>такое «пространство» было бы в пределах науки о литературе (и науки о культуре) *единственным* представлением, которое не затрагивалось бы всесилием исторического *движения* и, напротив, стремилось бы поместить историческое движение внутрь себя, внутрь своего *кружения*» [5, с. 484]. Это расширяет границы интерпретации: «Наша мысль идет *вверх* и *вглубь* от того уровня, на каком мы можем представить себе (условно) смену точек зрения в линейном движении истории» [5, с. 485]. При этом наша задача: «стараться *молчать*, давая сказать другим и давая сказаться другому, – *переносить* наше *сегодняшнее* возможное понятие такого пространства на прошлое можно лишь при условии, что это понятие и представление будет <...> сведено до значения некой чисто формальной, бесплотной и ни на что особое не претендующей схемы <...> *Нам же сейчас* это представление в своей роли формальной схемы может принести некоторую пользу» [5, с. 484]. Эпоха, породившая идею исторической поэтики, «впервые ставит вопрос об обратном переводе, т. е. о том, чтобы вернуть произведения культур прошлого на положенные им места в целом историко-культурном генезисе, что названо «расшифровкой языков культуры».

Таким образом, если вся история культуры состоит в том, что разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки, часто (и как правило) с предельным и безжалостным переосмыслением их содержания, то задача исторической поэтики может быть понята как «восстановление правды» – первоначально задуманного смысла произведения искусства.

И здесь мы подходим к важной, на наш взгляд,

сопряженности у А.В. Михайлова *идеи герменевтического пространства* как важнейшей сущности исторической поэтики *и синтеза* в его самых разных проявлениях.

Итак, «свое» <...> естественно подкладывается под все «чужое» в любом акте понимания, <...> для герменевтических течений вследствие этого остро встает вопрос о первом шаге в этом движении по кругу – узнать ли себя в ином, чужом, или же сразу акцентировать момент чужого в этой неразрывной корреляции своего и чужого...» [4, с. 31]. Комментируя последовательность «герменевтических шагов» и опираясь при этом на наследие А.Н. Веселовского, Михайлов указывает: «Веселовский исходил из потребности науки в новом синтезе» [4, с. 11]. Согласившись далее с мнениями Д.С. Лихачева и А.Я. Гуревича об истории культуры как комплексной дисциплине, в которой встречаются и взаимодействуют все науки о человеке, исследователь делает вывод: «Историческая поэтика – как задача современной науки – определяется внутренней потребностью науки (и даже более того – самой же культуры) во взаимоопосредовании теоретического и исторического знания, в максимальном сближении теоретических и исторических подходов к литературе» [4, с. 20]. Наша новая точка зрения «не обесценивает все иное, – а верит в историю как смену и существование разного *иного*...» [5, с. 489]. Этой же мыслью начинает Михайлов Предисловие к «Исторической поэтике и герменевтике»: необходимо преодолеть давний, «неоправданный и неплодотворный раскол литературоведения на теорию (систематику) и историю» [6, с. 7].

Еще один аспект синтеза, который рассматривает в своих работах Михайлов, связан с взаимодействием эстетики и живых людей, как формулирует это сам исследователь, с настоятельной необходимостью «связи с человеком как продуктом и носителем своей истории» [7, с. 477]. Заявив в работе «Эстетика и оживление человека», что «философия начинается не с кафедры, а с человеческого ума, который чаще всего даже и не подозревает о философии...», что «эстетика должна сама чувствовать и понимать свою зависимость от живых людей, в которых – ее исток и оправдание», что «<...> реальный человек в его живом существовании – это для эстетики, как и для философии, – единственно зримая опора в ее мысли, ориентированной на историю, это единственное место, где сама история становится доступной, зримой, вещественной» [7, с. 476], Михайлов с одобрением вспоминает работу А.Ф. Лосева «История античной эстетики», написанную, по его мнению, в согласии с тенденциями современной общекультурной мысли: «античная культура с ее далеко не полным расчленением всех тех аспектов, которые были разъяты неумолимой европейской аналитикой, – это заветное поле эстетики, очень часто склонной забывать об историчности, об исторической сути своих терминов и понятий, об их неотрывности от

истории слова, от истории языка и от истории мысли в языке» [7, с. 475]. Кроме того, «<...> полнота смысла находит адекватное себе выражение именно в начале развития», а последнее – «как бы антропологическая точка во времени, когда сущность человека совпадает сама с собой» («К проблеме исторической поэтики») [4, с. 15].

Еще одно интересное наблюдение из «Нескольких тезисов о теории литературы»: «<...> синкретическое искусство, само наименование которого запечатлело акт обратного проецирования <...>, должно соединять в себе то, чего, когда оно существовало, еще не было как отдельного: поэзии, музыки, танца...» [5, с. 507]. И хотя в синкретическом искусстве в некоторых случаях нет даже слов, а иногда присутствует и то, что нельзя прочесть (рисунки), «все это оказывается внутри науки о литературе с достаточным основанием» [5, с. 507].

Современный общенаучный дискурс, отталкивающийся от единой, антропологической точки отсчета, вполне соответствует стремлению к синтезу: культуры в целом, ее регистров – высокого и низкого – в собственных пространствах и во взаимодействии друг с другом.

Беря за основу идейные константы эпохи («историко-культурную аксиоматику»), развивая идею исторической поэтики как идеи «обратного перевода», А.В. Михайлов задает культурологическую ориентацию и возвращает искомый синтез теоретическому и историческому литературоведению. Идея синтеза – одна из ключевых в научном наследии А.В. Михайлова. Сопрягаясь с идеей герменевтического пространства как важнейшей сущности исторической поэтики, она раскрывает самые неожиданные грани: взаимодействия своего и чужого в любом акте понимания; опосредования теоретического и исторического знания; взаимозависимости эстетики и живых людей; полноты смысла синкретического искусства, с достаточным основанием оказывающейся «внутри» современной науки.

Подобная логика исследований культуры и литературы («поле дометодологического»; «общие горизонты истории культуры»; историко-культурные дисциплины как науки о сущности человека; отказ от принципа антропологической «естественности») целиком укладывается в современную парадигму науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Веселовский А.Н.** Избранное: Историческая поэтика. – М.: РОССПЭН, 2006. 688 с.
2. **Лосев А.Ф.** Высший синтез как счастье и ведение // А.Ф. Лосев. Высший синтез. Неизвестный Лосев. – М.: ЧеРо, 2005. С. 13–33.
3. **Лосев А.Ф.** Общая методология истории религии и мифа // А.Ф. Лосев. Высший синтез. Неизвестный Лосев. – М.: ЧеРо, 2005. С. 104–113.
4. **Михайлов А.В.** К проблеме исторической поэтики // А.В. Михайлов. Избранное. Историческая поэтика и герменев-

5. **Михайлов А.В.** Несколько тезисов о теории литературы // А.В. Михайлов. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Изд. С.-П. ун-та, 2006. С. 478–520.
6. **Михайлов А.В.** Предисловие // А.В. Михайлов. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Изд. С.-П. ун-та, 2006. С. 7–8.
7. **Михайлов А.В.** Эстетика и оживление человека // А.В. Михайлов. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Изд. С.-П. ун-та, 2006. С. 473–477.

A.V. MIKHAILOV'S HERMENEUTIC SPACE AS A POSSIBILITY OF A NEW SYNTHESIS IN LITERARY STUDIES

F.K. Besolova

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Senior Lecturer, Vladikavkaz (kafka61@mail.ru)

Abstract. Modern general scientific discourse, starting from a single, anthropological starting point, is fully consistent with the desire for synthesis: culture as a whole, its registers – high and low – in their own spaces and in interaction with each other. The works of A.V. Mikhailov, a prominent theorist of literature and culture, relying on the ideological constants of the era («historical-cultural axioms»), develop the idea of historical poetics as the idea of «reverse translation», set the cultural orientation of literary criticism and return the desired synthesis to theoretical and historical literary criticism. This logic of the study of «common horizons of the history of culture» as the meaning of the literary studies smoothly merges into the modern paradigm of culture.

Keywords: A.V. Mikhailov, general scientific discourse, synthesis, historical poetics, languages of culture, hermeneutic space.

REFERENCES

1. Veselovskij A.N. Izbrannoe: Istoricheskaya poetika. – M.: ROSSPEN, 2006. 688 s.
2. Losev A.F. Vysshij sintez kak schast'e i vedenie // A.F. Losev. Vysshij sintez. Neizvestnyj Losev. – M.: CHERo, 2005. S. 13–33.
3. Losev A.F. Obshchaya metodologiya istorii religii i mifa // A.F. Losev. Vysshij sintez. Neizvestnyj Losev. – M.: CHERo, 2005. S. 104–113.
4. Mihajlov A.V. K probleme istoricheskoy poetiki // A.V. Mihajlov. Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germenevtika. – SPb.: Izd. S.-P. un-ta, 2006. S. 9–51.
5. Mihajlov A.V. Neskol'ko tezisov o teorii literatury // A.V. Mihajlov. Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germenevtika. – SPb.: Izd. S.-P. un-ta, 2006. S. 478–520.
6. Mihajlov A.V. Predislovie // A.V. Mihajlov. Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germenevtika. – SPb.: Izd. S.-P. un-ta, 2006. S. 7–8.
7. Mihajlov A.V. Estetika i ozhivlenie cheloveka // A.V. Mihajlov. Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germenevtika. – SPb.: Izd. S.-P. un-ta, 2006. S. 473–477.